

ПАЛАЧ, СЫН ПАЛАЧА

ЮЛИЯ
АНДРЕЕВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Юлия Игоревна Андреева
Палач, сын палача
Серия «Исторические приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645835
Палач, сын палача: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-7510-2

Аннотация

Он провел детство не во дворе со сверстниками, а в тюремных камерах среди палачей и узников, постепенно привыкая к чужим мучениям и осваивая премудрости своей будущей профессии. Он – Клаус – сын палача и в будущем сам палач. Честный слуга церкви, скромный борец против зла. Но ведь зло многолико, и палач палачу рознь!..

Содержание

Часть первая. Оффенбург и его жители	5
Глава 1. Семья палача	5
Глава 2. Наложница дьявола	9
Глава 3. Рыцарь-разбойник Фон Бер	11
Глава 4. Перед допросом	13
Глава 5. Допрос с пристрастием	15
Глава 6. Неблаговидный поступок	17
Глава 7. Похороны меча	20
Глава 8. Коллега Филипп Баур	22
Глава 9. Палачовы деньги	25
Глава 10. Палач палачу рознь	29
Глава 11. История одного похищения	31
Глава 12. Зять барона Шварцкопфа	33
Глава 13. Орден Справедливости и Милосердия	37
Глава 14. Секрет юного бакалавра	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юлия Андреева

Палач, сын палача

© Андреева Ю. И., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Автор выражает сердечную благодарность писателю, художнику и историку Николаю Бессонову за его книгу «Суды над колдовством»,

а также Юрию Романову за помощь в поиске исторического материала.

Часть первая. Оффенбург и его жители

Глава 1. Семья палача

Да будет известно судье, что обычно ведьмы отрицают во время первого допроса всякую вину, что еще больше возбуждает против них подозрения.

Генрих Инститорис, Якоб Шпренгер
«Молот ведьм»¹

Германия, Оффенбург, 1628 год

Окошко с маленьким изящным балкончиком, увитым диким виноградом и уставленным горшками с розами, выходило на тюремный дворик.

Впрочем, именно по этой причине жена палача, белокурая Грета Миллер, особенно следила за этим своим крохотным цветником, то и дело покупая или принося от соседей только что зацветшие растения, и немедленно убирала отцветшие.

Конечно же, в доме были и другие окна, на которых стараниями прекрасной госпожи Миллер тоже стояли горшки с цветами, но все они были лишь жалким подобием того – главного окна. Ухаживая за своим цветником, фрау Миллер думала прежде всего о несчастных заключенных, для которых, быть может, вид ее веселого балкончика останется последним приятным впечатлением в жизни. Грета Миллер была доброй женщиной.

Ее муж знал о том, что жена тратит деньги, покупая цветы для арестованных, но не пытался как-то помешать ей. Что за радость для молодой, красивой женщины жить в таком месте? Пусть хоть это немного облегчит ее жизнь.

Двухэтажное здание тюрьмы было построено из грубого некрашеного кирпича. Двор покрывал коврик зеленой травки, которую выкашивали дети стражников, приставленные к этому несложному делу и получавшие за работу из городской казны по тридцать альбусов² за каждый покос. Скошенная трава благоухала. Сыновья тюремщика, одноногого господина Дрейпа, собирали ее в охапки и относили кроликам, которых разводили в специальном помещении перед кухней.

Когда приходило время скашивать траву, незакованные узники подтягивались на руках к высоким оконцам, втягивая ноздрями запахи.

Из-за вязаных крючком кружевных занавесок фрау Миллер видела, как чьи-то руки обхватывали прутья решетки, и затем в окне появлялось бледное лицо.

Иногда ей удавалось опознать выглянувшего на свет божий и оценившего ее старания узника, иногда нет.

От мужа она знала, кто и в какой камере сидит, а также кто прикован к стене или болеет, а кто может подойти к окну, и поэтому нет-нет на ее балконе появлялись и другие цветы: дети осужденных, которых госпожа Миллер приводила в дом палача, чтобы показать малышей сидящим в тюрьме матерям.

Это был достаточно смелый или просто необдуманный поступок, так как горожане сторонились людей осужденных и особенно осужденных за колдовство, и, решишь кто-нибудь

¹ Генрих Инститорис (1430–1505) – член ордена доминиканцев, профессор богословия. С 1474 года стал инквизитором. В соавторстве с Якобом Шпренгером написал книгу «Молот ведьм». Якоб Шпренгер (1436–1495) – член ордена доминиканцев, профессор богословия. С 1481 года стал инквизитором.

² Альбус, или белый пфенниг, – мелкая серебряная монета, которая стала чеканиться с 1360 года при императоре Карле IV. Свое название она получила в отличие от медных, или так называемых черных, пфеннигов.

донести на жену палача, ей, несомненно, припомнили бы и цветы, которые, как известно, лучше всего растут именно у ведьм. Но фрау Миллер не могла жить иначе. Поэтому Петер, муж Греты, просил ее только о том, чтобы она помогала лишь уголовным преступникам, обещая самостоятельно позаботиться об осужденных по делам ведовства.

Уголовные преступники занимали первый и второй этаж, в то время как идущие по ведовским процессам арестованные находились в подвале. Особенно госпожа Миллер пеклась о них.

Крохотные оконца подвала, или, как его окрестили местные жители, «Ведьиного подземного замка», больше походили на норы сусликов, нежели на окна, так как арестованных по специальному предписанию следовало держать без света и почти без еды и питья. Много раз фрау Миллер спрашивала мужа, видны ли ее цветы из подвальных камер, и тот отвечал, что лично проверил это: из каждого оконца ее балкон был вполне обозрим.

Петер Миллер был добрый человек и врал жене. Потому что для них – для осужденных из подвала – до этих окошек еще следовало доползти. А легко ли это сделать, будучи закованными в кандалы, посаженными на цепь или с раздробленными испанскими сапогами ногами?

Сын Петера, девятилетний Клаус, прекрасно знал о том, что отец врет матери, так как сам нередко бывал с ним в подвальных камерах, но клялся и божился ей в том, что осужденные из подвала только и делают, что смотрят на цветы. Клаус тоже был добрым мальчиком и не хотел расстраивать маму.

Услышав это, фрау Грета размашисто крестилась, благословляя Господа, недоумившего ее делать это доброе дело.

* * *

Однажды, играя на улице вместе с другими мальчишками, сын кузнеца Губерт бросил в Клауса камнем.

– За что? – не понял Клаус. До этого дня он ни разу не ссорился с Губертом, впрочем, и друзьями их нельзя было назвать.

– Ты, палачово отродье, одет в одежду мертвых! – выпалил Губерт. Он был на голову выше Клауса и шире в плечах. Целый день вместе с отцом Губерт Крохт работал в кузнице и, как говорили ребята с их улицы, мог руками колоть орехи и растирать в крошку кирпичи.

– Имущество казненного наследует палач, – выдохнул Клаус заученную формулировку, исподлобья глядя на сына кузнеца. На нем сегодня действительно была новенькая безрукавка, которую оставил отцу повешенный недавно столяр. Мать выстирала и немного укоротила безрукавку, так что Клаус целую неделю ждал, когда же наступит первый морозный денек для того, чтобы надеть эту красивую, точно одежда пажа из дома вельможи, красную с синими полосами безрукавку. И вот теперь все настроение было испорчено.

– Твой отец – палач, он убивает людей! Лучше бы работал, как все, а то занимается душегубством и за это золото лопатой гребет! – выплевывая каждое слово и нагло ухмыляясь при этом, сообщил Губерт. – А твоя мать – ведьма и поливает свои цветы человеческой кровью! Скажешь, не так?!

В этот момент за спиной Губерта появился его отец, кузнец Крохт, на шум и голоса вылезший из кабака и подоспевший как раз вовремя, еще до того, как мальчишки затеяли драку.

– Как ты смеешь, щенок, говорить такое о семье господина Миллера! – заорал он громовым голосом. – Неужто не помнишь, как я учил тебя, что палач – орудие в руках закона! Все мы под Богом ходим! Никто не знает, что будет дальше. А случись самое страшное, так господин Петер Миллер у нас ведь не простой палач! Лучший палач на все герцогство!

Во всем христианском мире! – он сделал широкий жест руками. – Господин Миллер может с одного удара отсечь любую голову, так что ты, паршивец, даже и не заметишь. Большая честь попасть в руки к господину Миллеру, потому как господин Миллер нашего брата жалеет. И, жалеючи, не позволяет долго мучаться, как другие палачи, которые и голову с трех ударов секут, и вешают так, что человек нипочем умереть не может, страдая и моля о смерти.

Так и скажи своего отцу, Клаус, что кузнец Губерт Крохт его уважает и вся семья его палачову работу почитает. Что же касается Губерта-младшего, так я его, не извольте беспокоиться, посеку уж. Вот уж божье наказание какое – иметь сына олуха!

Клаус не знал, что ответить, тогда кузнец извлек из-за пояса монетку и положил ее на ладонь мальчика.

– Купите себе, господин Клаус Миллер, печатный пряник или пирожок, какой повкуснее, и не держите зла на моего оболтуса, – говоря это, здоровенный кузнец только что не свернулся в три погибели рядом с маленьким Клаусом.

В этот момент к говорившим подошел сам Петер Миллер и встал возле сына.

– Добрейший денек, господин Миллер, – приветствовал его кузнец, немного разогнувшись, так как главный в Оффенбурге палач был весьма миниатюрен. А разговаривать с ним, возвышаясь, точно пожарная каланча, кузнец считал опасным, так как Петер Миллер мог счесть это явным оскорблением. Подобострастно улыбаясь, Крохт поспешил протянуть палачу руку. Клаус отметил, что пальцы Губерта-старшего при этом слегка тряслись.

Петер ответил на рукопожатие, скупно улыбнувшись соседу и обняв за плечи сына.

– Скидывай шапку, нахалюга! – Губерт отвесил подзатыльник сыну, заставив его поклониться главному в городе палачу. – Вот, господин Миллер, учу мальчика уму-разуму. А то оболтусом растет, не пойму в кого.

– Все хорошо, господин Крохт, – Петер попытался увести с улицы Клауса, но кузнец решил, что его объяснения случившегося пришлось не по нраву палачу, поэтому он потащился за Миллером, громохоча на всю улицу о том, какой у них в Оффенбурге замечательный палач:

– Господин Миллер и в тюрьме людей лечит, кто заболит. И настойки, какие ни попросишь, изготавливает! И ведьму завсегда распознать может. А ведь всем известно, что все беды от ведьм!

– Верно говоришь! – К кузнецу подошел бывший солдат. – Господин Миллер так вытянул в колодках мою ногу во время допроса по делу старой Марты Бирсфельд, что та хрустнула, а потом снова стала гнуться. А ведь все соседи знают, что я был ранен в схватке с людьми знаменитого Кровавого Перца, чтоб черти припекли его хилую задницу в аду! И с тех пор уже не мог встать на ногу и передвигался только при помощи костылей!

– Хорошо, хорошо. – Петер Миллер открыл дверь в дом, затолкнув туда сына и продолжая раскланиваться с соседями.

В этот момент взгляд его упал на стоявшего в толпе офицера в мундире цвета вареного рака с золотыми позументами на груди, как носили офицеры личной гвардии бургомистра, и, обреченно вздохнув, Петер пригласил его войти.

Растроганный здравицами, которыми соседи славил его отца, Клаус замешкался было в прихожей, снимая уличную обувь.

В это время офицер вдруг приблизился почти вплотную к Петеру и тихо, но внятно произнес:

– Меня прислал к вам магистр ордена. Скажите только «да» или «нет». Только это и хочет услышать от вас герр Кульер, этого желают все наши братья. Решайтесь, господин Миллер. Как честный человек, вы не можете стоять в стороне, наблюдая, как мир сползает в преисподнюю! Умоляю вас, скажите магистру «да», и мы все не пожалеем положить свои жизни для защиты вас и вашей семьи!

– В том-то и дело, дражайший господин Мейфарт, что, как честный человек, я не могу рисковать жизнями своих близких. Кроме того, то, что вы требуете от меня, совершенно незаконно. А я всегда придерживался буквы закона.

– Но люди же гибнут! Бароны наживаются на аутодафе, а беднейшие из бедных оплачивают своей кровью их роскошества! Решайтесь, герр Миллер, и Господь не оставит вас! Жители нашего города знают вас как самого справедливого, честного и добропорядочного человека. Не побоюсь этого слова, но на сегодняшний день вы единственная надежда Оффенбурга.

С этими словами офицер порывисто сжал руку палача и распахнул дверь на улицу, махнув на прощание черной шляпой с алым страусовым пером.

Сконфуженный речью молодого человека, пожалуй, даже больше, нежели льстивыми похвалами соседей, герр Миллер стащил, наконец, сапоги и, надев домашние разношенные тапки, отправился к рукомойнику. При этом он старался не смотреть в глаза сына, точно опасался того, что сейчас и его маленький Клаус вдруг начнет славить и превозносить его способности и душевные качества. Что и он начнет его о чем-то просить и требовать.

Впрочем, все, о чем говорили соседи и молодой протестант Йохан Мейфарт, было чистейшей правдой. Господин Миллер считался непревзойденным палачом в округе. Не было равных ему в поисках ведьминог клейма и в запрещенном ныне испытании каленым железом. Потому все знали: если Петер Миллер ручается, что никакой чертовой метки на теле подозреваемой нет, следовательно, и пытки бесполезны, спорить с ним – дело неблагодарное и бесполезное. Потому как, коли уж сам господин Миллер не отыскал, никто уже не отыщет. А посему не мучить дальше нужно человека, ожидая, что он под пыткой оклеветает себя, а отпустить подобру-поздорову.

Не один раз герцог Годельшаль звал Миллера главным палачом в Ортенау или был готов сделать его комиссаром по ведовским процессам. Но Петер Миллер не желал покидать свой уютный домик, отрывая сына от его друзей и жену от родичей и подруг. Потянешься за тяжелым кошельком, уедешь в столицу, а там, на глазах у правителя, дел не сделаешь, за каждым шагом догляд. Другое дело заштатный городок, где даже судьи – свои люди, а судебные исполнители, тюремщики и даже стражники – в твоём непосредственном подчинении. Из страха и немалого почтения не то что большой пакости не учинят, так и каждую мелочь лишний раз обсуждать являются. Можно жить, не тужить.

Что же касается почетной должности комиссара, то для нее Петер Миллер хоть и лучше других подходил, потому как умел сказать, кто виновен, а на кого напраслину возвели, но сам считал, что такая работа хороша для бессемейного. Ему же – мужу и отцу – не солидно каждый день по городам и деревням разъезжать, словно он не человек, а пес приبلудный, своего угла не имеющий. Не ровен час, в дороге захвораешь, а ухаживать за тобой и некому.

Глава 2. Наложница дьявола

*Слово *diabolus* (дьявол) происходит от «*dia*» (т. е. *duo*, два) и «*bolus*» (т. е. *morsellus*, укус, смерть), так как он несет двойную смерть, а именно – телу и душе.*

В переводе с греческого слово это обозначает «замкнутый в темницу». Это тоже верно, то есть ему не разрешается вредительствовать столько, сколько он хочет.

Генрих Инститорис, Якоб Шпренгер «Молот ведьм»

Однажды в ворота тюрьмы постучала восьмилетняя девочка, пришедшая пешком из соседней деревни. Впрочем, это было не удивительно: дорога прямая, так что, если идешь, в любом случае доберешься до места. Странности начались позже.

Девочка явилась на рассвете, и заспанный Петер, натянув штаны и накинув на плечи платок жены, пошел открывать дверь.

Впустив малышку в дом, он зачерпнул себе из стоящей на скамье кадки в кружку воды и, выпив, спросил у гостыи, зачем та пожаловала.

Петер умел вправлять людям кости или лечить от язв, пролежней и ожогов, так что к нему частенько обращались за помощью. Поэтому и на этот раз господин Миллер решил, что девочку послали к нему за какой-нибудь мазью.

– Я любовница дьявола, – величаво представилась малявка, окидывая сухопарую, тщедушную фигурку палача с нескрываемым презрением.

– Кто? – сделал вид, что не расслышал, Петер, исподволь разглядывая явившееся к нему исчадие ада.

– Любовница я его, – девчонка шумно вытерла сопلي рукавом и, сверкая глазами, уставилась на палача. – Желаю предстать перед судом и принять смерть на костре. Пишите, я шчас все расскажу.

– Что расскажешь-то? – Петер выпил еще немножко и, наполнив кружку еще раз, протянул ее девочке.

– Расскажу, как и что у нас было. Как и где встречались, любились. Хочешь, расскажу, какой у моего черта хрен? Как у мерина. Хочешь, расскажу, какая у него...

– Может, ты есть хочешь? – казалось, Петер не замечает сказанного девчонкой. На самом деле, опустив голову так, что светлые кудри закрыли лицо, он тишком разглядывал ее, примечая черты безумия и соображая, временное ли это помешательство или давно запущенная болезнь.

– Есть, конечно, хочется, – девчонка сразу же присмирела, сопя носом и переступая босыми ногами, не смея больше глаз поднять на палача.

– Ну, тогда проходи, гостыей будешь, – Петер ласково подтолкнул ее в комнату, где уже копошилась у камина жена.

Накормив девочку и позволив ей поспать до обеда, Петер отправил ее домой с местным торговцем, отправляющимся в те края для закупки конопляной пряжи. Строго-настрого наказав купцу доставить пигалицу в дом ее родителей в целости и сохранности, господин Миллер посчитал свою миссию исполненной, но ошибся.

* * *

Через неделю девочка заявила снова. На этот раз стуча уже не в двери тюрьмы и не в дом палача, располагающийся тут же, а в двери судьи Тенглера. Так что ее пришлось

арестовать и передать в руки господину Миллеру, так как, согласно инструкции, девочки, достигшие возраста шести лет, уже могли иметь половые сношения и иметь детей. А, следовательно, могли оказаться и любовницами дьявола.

На этот раз малышка истошно вопила, что у нее уже трое детей от отца тьмы. Причем сначала она родила двух червей, а затем белую мышь, которых дьявол заставил ее съесть.

Ворча себе под нос, Петер поместил малолетнюю нахалку в камеру, где заставил два часа простоять лицом к стене. После чего перетрусившую и озябшую девочку отправил пешком в ее деревню, в сопровождении стражника, которому было дано предписание внушить ее отцу, чтобы тот прилежно выпорол лженаложницу дьявола, так как в следующий раз ему, господину Миллеру, придется замуровать их чадо на вечные времена, дабы она не отвлекала его от более важных дел.

На этом история с девочкой и закончилась.

Глава 3. Рыцарь-разбойник Фон Бер

*Если Бог попустил грех честолюбия у благороднейших созданий,
со сколь большим правом Он может пропускать чародеяния ведьм
вследствие их больших грехов.*

Генрих Инститорис, Якоб Шпренгер «Молот ведьм»

Как уже было сказано, семья палача Миллера жила в доме, соединенном с тюрьмой крохотным двориком. Так что на службу Петер мог ходить, даже не надевая на себя куртки. Тем не менее в холодное время года фрау Грета всегда следила за тем, чтобы шея мужа была обмотана теплым шерстяным шарфом.

...Это случилось ранней осенью, когда у прохожих на улицах, да не только у прохожих и проезжих, но даже у собак и лошадей изо рта валил густой пар, а мальчишки вырезали себе из дерева трубочки, дуя в них и притворяясь, будто курят.

Солнце в голубом безоблачном небе светило ярко, но уже всюду дули настоящие зимние ветра.

Было приятно прийти со стужи домой, где всегда было жарко натоплено и вкусно пахло мясной похлебкой и пирогами.

В тот день фрау Миллер приготовила похлебку из свинины и запекла кулебяку. Обед удался на славу, и довольная Грета, поставив на стол бутылку сливянки, поджидала теперь своего мужа.

Петер запаздывал, а голодный Клаус бродил вокруг стола, глотая слюнки. Последнее время Петер частенько приходил позже, и в этом не было его вины. Недавние события словно заморозили обычную жизнь горожан, наполнив их сердца страхом и заставив мужчин, заперев дома и лавки, вооружиться кто чем горазд, чтобы вновь и вновь отправляться на поиски человека, о котором было известно единственно то, что он похитил пятилетнюю дочку окружного судьи Иеронима Тенглера.

Девочку похитили в среду, и было доподлинно известно, что до пятницы изувер держал ее в арендованном им доме. Но когда дом окружили заподозрившие неладное соседи, он умудрился сбежать оттуда, прихватив с собой ребенка.

Это случилось утром, после чего солдаты и члены добровольной дружины ринулись обыскивать дом за домом в квартале, в котором до этого держали девочку. Петер принимал участие в поисках, ища ребенка с таким рвением, словно это была его собственная дочка.

То и дело фрау Миллер подходила к окну и смотрела на улицу, не возвращается ли муж. Днем несколько раз к ней забегали соседки поделиться новостями. Так, Грета узнала, что похитителем был человек рыцарского звания, некто господин фон Бер, который промышлял разбоем после того, как его собственный дом был уничтожен пожаром. Время от времени он похищал людей, требуя за них выкуп.

Тем не менее никто из обчищенных коварным фон Бером не собирался свидетельствовать против него в суде, так как говорили, будто бы он всегда уходит от стражи, а сбежав от правосудия, вполне может нагряться к обидчикам и поквитаться с ними.

Когда-то это был сильный и уважаемый всеми воин. Поговаривали, что он в одиночку мог вырезать целый отряд вооруженных до зубов врагов. Словом, поймать его было достаточно почетным делом. Но горожан больше заботила судьба невинного ребенка.

Пока Грета размышляла о своем, на лестнице послышались шаги, и вскоре в дом вошел Петер. Обняв подлетевшего к нему сына и кивнув жене, он бросил молниеносный взгляд на накрытый стол и, облизнувшись, велел дать ему с собой кусок пирога.

– Ты даже не сядешь за стол?! – возмутилась Грета, которой было обидно, что муж не пожелал попробовать ее стряпню. Одновременно ей самой жутко хотелось услышать об успехах поисков.

– Не могу, дорогая, некогда, – Петер взял с полки несколько инструментов и, вытащив из-под лавки свой сундучок, принялся укладывать в него инструменты. – Клаус, помоги-ка мне собраться.

Немного разочарованный поначалу тем, что отец не останется на обед, мальчик тут же ожил и бросился на подмогу. Он-то прекрасно знал, какие инструменты обычно должен был носить с собой палач.

Все они были приобретены в разное время, сделаны лично Петером, его отцом, или заказаны у местных кузнецов. Каждая игла, каждый крюк, тиски или закрепляющие винты имели свою историю. Палач никогда не давал своих личных инструментов коллегам, так как опасался, что те могут прикарманить их или нанести какой-нибудь вред, включая наложение заклятия. Разумеется, при пыточных камерах всегда был необходимый набор инструментов. Стоял деревянный конь с острой спинкой, на котором катали голых ведьм, усаживая их нежным местом на острый выступ и привязывая к ногам мешки с песком. Вывышался «ведьмин трон» – железное, все истыканное торчащими гвоздями кресло, в котором должна была корчиться подозреваемая. Никто не таскал с собой дыбу или растягивающую лестницу. Но вот что касается очень эффективной пытки с подвешиванием, тут многие палачи доверяли исключительно своим кольцам и крепежам, так как свой инструмент всегда знаешь как облупленный, в то время как коварный сменщик может подложить неисправный крепеж, с которым ведьма шмякнется об пол в самый неурочный момент и, чего доброго, расквасит себе башку. А за такое дело палачу придется держать ответ перед судьей. И одним штрафом после такого промаха не отделаешься...

– Неужели поймали?! – всплеснула руками Грета.

– Поймали. Но только фон Бера. Ребенка нигде нет. И, если я сейчас не вытяну из паршивца, куда он дел девочку, боюсь, что завтра будет уже поздно.

– Почему поздно? – не понял Клаус.

– Ночи нынче холодные, – не глядя в глаза сына, пояснил Петер, – если этот нехристь оставил ребенка в каком-нибудь подвале, на складе или в заколоченном доме, до утра она успеет замерзнуть. И тогда никто уже не сможет подтвердить, что это был он. У нас только один шанс судить фон Бера – если на него укажет ребенок, потому как никто не видел, как он похитил дочку судьи. Никто вообще не видел их вместе. А если и видел – нипочем не признается. Так что, если потом мы и найдем мертвую девочку, но фон Бер не признается, что это он ее похитил, его придется отпустить.

– Как же можно отпускать такого... – Фрау Миллер не могла подобрать подходящих слов. То есть подходящие слова были, но их нельзя было произносить вслух и тем более в присутствии Клауса.

– Ни одно из преступлений фон Бера не доказано. Никто не станет свидетельствовать против него, – Петер взял из рук сына клещи и аккуратно положил их в сундучок. – А значит, если против него никто ничего не покажет, то на каких же основаниях его тогда тащить в суд?

Бережно завязав сверток с мясным пирогом в узел, Петер нес его в левой руке, в то время как сундучок с инструментами отяжелял его правую руку. Палач Миллер никогда не клал еду к пыточным инструментам.

В несколько прыжков перемахнув через дворик, Петер вошел в дверку, специально предназначенную для заплочных дел мастеров. Там он пробрался в свою каморку и, переодевшись в рабочую одежду и запихнув в рот кусок пирога, отправился к арестованному.

Глава 4. Перед допросом

Однако насильственная смерть, является ли она заслуженной или незаслуженной, всегда искупляет грех, если она встречена в терпении и с благодарностью. Здесь мы говорили о наказаниях, налагаемых за грехи других людей.

Генрих Инститорис, Якоб Шпренгер «Молот ведьм»

Обычно Миллер приводил в застенки сына, но на этот раз он понимал, что над рыцарем-разбойником придется возиться долго и упорно, потому как фон Бер был сильным и достаточно выносливым человеком, который привык терпеть боль и лишения. Кроме того, судя по всему, проклятый разбойник не был дураком или простофилей, а значит, он понимал не хуже самого палача, что его дело – терпеть до того времени, когда горожане как-нибудь сами собой не наткнутся на его замерзшую жертву и, наткнувшись, будут вынуждены закрыть дело. Потому что он, фон Бер, им все равно ничего не скажет, а мертвые, как известно, молчат.

Мимо палача прошел писарь. Увидев закусывающего перед допросом Миллера, писарь низко поклонился ему, дружески предложив флягу с вином.

– Угощайтесь, моя жена сделала в этом году замечательный сидр, яблочки из собственного сада. Этими руками выращенные, – он улыбнулся, зябко поеживаясь и косясь на просторную округлую комнату, где должен был проходить допрос.

Заслышав шаги приближающегося судьи, писарь сорвался с места, усаживаясь за стол и раскладывая перед собой письменные принадлежности. Дожевывая пирог, Петер поклонился судье и как ни в чем не бывало устроился у горящего камина. Его помощник запаздывал, и палачу это было на руку, так как он еще не видел фон Бера и не выбрал, с чего придется начать.

Вскоре стражники ввели гремящего цепью арестованного, и сразу за ним в зал вбежал взмыленный первый помощник палача Михель Мегерер с красным капюшоном морковкой на голове.

– Зачем это? – спросил Петер, уже зная ответ. – Поди, не казнь, да и ты еще не настоящий палач. Чего ради вырядился?

– А если потом этот ирод меня в темном переулочке поймает? Пусть лучше не знает, каков я с виду. И вам, господин Миллер, посоветовал бы лицо чем-нибудь прикрыть. Не ровен час... Говорят, одному стражнику в Мюнхене он нос откусил, а другому, едва освобождаясь, все причиндалы отрезал.

– Снимай или пошел вон. Мне такой помощник не нужен. – Петер злился, потому что Михель отвлекал его от мыслей.

Извинившись за опоздание, в зал торопливо вошли сразу трое – приор церкви Святого Георгия, главный инквизитор Оффенбурга и доктор богословия из Кельна. Все они были приглашены с целью увещевания непокорного фон Бера.

Судья Себастьян фон Канн задал первый вопрос. Петер следил за лицом фон Бера. Ему было неинтересно, о чем спрашивают преступника. Явно не о погоде и самочувствии родственников.

Арестованный отрицательно замотал головой. И Петер отметил, что бычья шея фон Бера могла бы двигаться и половчей. Это могло говорить о давней ране или болезни. И то и другое обычно было на руку палачу.

Судья посмотрел в сторону Петера, поманив его пальцем. Палач медленно поднялся и, подойдя к столу, за которым сидел Себастьян фон Канн, встал перед ним.

– Как думаешь, может, показать ему для острастки твои инструменты?

– Не-а... не подействует, – Петер мельком глянул на фон Бера, понимая, что тонкие клещи, иглы, валик с шипами и даже дыба скорее насмешат, нежели напугают сурового воина.

– Тогда делай что знаешь, – развел руками судья. – Но чтобы этот голубчик мне к ночи сознался, куда дел дочку судьи Тенглера.

Петер кивнул и, подойдя к фон Беру, посмотрел на него сверху вниз. Картинка получилась престранная – маленький, жилистый палач с длинными светлыми, как у бродячего актера, волосами и здоровенный детинушка с наглой улыбочкой перед ним.

Правда, руки преступника стягивали железные наручники, но Петер понимал, что это не мешает фон Беру смеяться над ним.

– Нельзя ли узнать, с чего вы собираетесь начать? – не выдержав явно затянувшейся паузы, подал голос судья.

– Представляюсь, как это и положено порядочным людям, – не оборачиваясь, бросил ему Петер и, улыбнувшись пленнику, слегка наклонив корпус в сдержанном поклоне, произнес: – Разрешите представиться, мое имя Петер Миллер.

После чего сидящий напротив него великан вдруг вскочил, звеня цепью, и, не удержавшись на скрепленных кандалами ногах, как подкошенный рухнул к ногам лучшего в Оффенбурге палача.

Глава 5. Допрос с пристрастием

Те, которые уже раньше были пытаемы, выносят пытки лучше, так как они (при поднятии на дыбах) тотчас же вытягивают руки, а потом подгибают их. Хотя есть среди подобных пытаемых и такие, которые оказываются менее выносливыми.

Генрих Инститорис, Якоб Шпренгер «Молот ведьм»

Удовлетворенный произведенным эффектом и празднуя первую победу, Петер приступил к делу, приказав стражникам и Михелю раздеть подозреваемого. Зная о том, что впечатление, произведенное на фон Бера громким именем и славой, идущей вслед за обладателем этого имени, вскоре развеется и тогда рыцарь-разбойник будет стоять уже до конца, Петер не думал торопиться, внимательно изучая тело своего противника.

Он сразу же заметил следы, оставленные огнем и режущими предметами. Да, этого человека рубили секирой, кололи, резали и пытали огнем. Возможно, он уже не один раз бывал в суде и знал, что здесь его по головке не погладят. Тем не менее он до сих пор был жив!

Один неверный шаг, единственная ошибка, сделанная вначале, и проклятый похититель перестанет верить в гений работающего с ним палача.

Петер стоял, перебирая в памяти инструменты, которые следовало бы применить к этому быку. Но ничего не получалось. С одной стороны, хотелось подвесить задержанного за руки и за ноги к потолку, причем лучше в стальных наручниках, еще лучше – утяжелив мешком с песком. Такую пытку мало кто выдерживал. Но что-то подсказывало палачу, что герр рыцарь уже переживал нечто подобное, а раз пережил один раз, решит, что выдержит и во второй.

Он обошел сидящего теперь на полу арестованного, исследуя глазами его многочисленные увечья и шрамы. Потом подошел ближе и вперил взгляд в сероватый фрагмент кожи под лопаткой. Должно быть, несколько лет назад господин фон Бер получил удар топором по плечу, а еще до этого его бок был жестоко обожжен, отчего этот кусочек кожи сделался безжизненным. Сюда явно не поступала кровь. Петер ощупал пальцами место под лопаткой и вокруг него и остался довольным.

Опыт палача подсказал господину Миллеру, что, если проткнуть это место иглой, оттуда не потечет кровь и, скорее всего, разбойник не ощутит боли. А тогда уже можно будет привлекать его не только как похитителя младенца, но и как опасного колдуна.

Петер обрадовался этой своей догадке, но решил приберечь козырь на последнее.

– Ну что, господин фон Бер, будете говорить, куда дели дочку судьи Тенглера? – спокойно и вполне дружелюбно осведомился он.

– На что мне чужие дети? – рыцарь поежился на каменном полу. – У меня даже жены нет.

– Возможно, вы похитили ребенка с целью получения выкупа? – миролюбиво предположил Миллер.

– Докажите, – пленник качнулся вперед, назад, а потом с неожиданной ловкостью для своей комплекции встал на ноги, сделавшись сразу на две головы выше палача и вчетверо шире его в объёме.

– Докажем, – успокоил арестованного Петер и привычно протянул руку к помощнику. Боязливо Михель подошел к своему наставнику, обливаясь холодным потом и не сводя перепуганных глаз со здорового разбойника.

Заметив его неприкрытый страх, арестованный дернулся к нему, звякнув цепью и страшно выпучив глаза.

Не помня себя от ужаса, Михель Мегерер выхватил из сундучка, который должен был держать перед Петером, шило и приготовился к обороне.

– И с этим вот копьем вы собрались идти на меня! Ой, матушки с батюшками, насмешили! – загремел на всю тюрьму фон Бер.

– Это копье подождет, – улыбнулся Петер, обещая себе при случае объяснить парню правила хорошего тона в пыточной камере. Порывшись в сундучке с видом заправского фокусника, он вытащил оттуда обычную волосяную веревку.

– Господа, – обратился он к стоящим тут же стражникам, – принесите, пожалуйста, господину рыцарю другой табурет.

Когда его просьба была удовлетворена, господин Миллер усадил ничего не понимающего и, по всей видимости, ожидающего, что его будут прижигать раскаленной кочергой или растягивать на дыбе, фон Бера. После чего, встав перед арестованным, накинуд на его бычью шею волосяную веревку и начал быстро тянуть то за один, то за другой ее конец так, что вскоре веревка перетерла кожу на загривке и потекла кровь.

– Ты хочешь, чтобы я истек кровью, проклятый?! – вопил от боли фон Бер.

– Никак нет. Заметьте, я не задеваю жизненно важных артерий и сосудов, – успокоил его палач, прервавшись для того, чтобы обойти арестованного со спины и поглядеть, как глубоко веревка засела в загривке жертвы. – Ну и здоровы же вы, господин рыцарь, – так же миролюбиво восхитился он, вытаскивая из раны волокна веревки, – до костей еще пилить и пилить!..

Через двадцать минут работы герр рыцарь рассказал, где он спрятал дочь судьи, и Петер остановил пытку, залатав фон Бера рану и перевязав его по всем правилам.

Глава 6. Неблаговидный поступок

*После взятия под стражу обвиняемой разрешается прибегнуть к защите, если судья против этого не возражает.
Генрих Инститорис, Якоб Шпренгер «Молот ведьм»*

Теперь можно было умыться и поесть. Тем не менее Петер не спешил возвращаться домой, так как проклятый фон Бер мог соврать, куда он дел ребенка, и тогда ему все равно пришлось бы продолжать пытку.

Устроившись в крохотной комнатке, выделенной главному палачу для отдыха и хранения личных вещей, Петер дождался, когда вернется отряд, посланный освобождать ребенка. Вопреки обыкновению, отряд на этот раз состоял не из одних судебных исполнителей, а, ввиду особого случая, включал в себя офицеров и воинов личного отряда бургомистра.

К счастью, те действительно вскоре явились. По словам возглавляющего отряд судебного исполнителя Филиппа Баура, считавшегося первым после Миллера палачом в городе, девочка была жива и после того, как ее растерли и влили в горло изрядное количество перwokлассного пойла, даже смогла говорить и была готова опознать похитителя.

– Лучше бы она померла, в самом деле, господин Миллер, – попытался заговорить с ним проштрафившийся Михель. – Поди, тогда можно было бы господину судье приговорить фон Бера за убийство. А так только за похищение. И нам бы дополнительная работенка не помешала... и мертвый-то он, поди, уже не отомстит.

Петер лихорадочно думал. Действительно, разбойника не следовало отпускать. Даже если его сошлют на каторжные работы, даже если посадят на цепь, при его силе и выносливости он быстро найдет возможность выйти на свободу, и что тогда? Опять гоняться за ним? Или трястись за свою шкуру, как это и предсказывал Михель.

Петер поднялся и отправился домой, где переоделся в свой парадный камзол и отправился в дом к верховному судье, господину Себастьяну фон Канну.

Был уже поздний вечер, горожане закрывали тяжелые ставни на окнах и лавках, то тут, то там были видны торговцы, увозившие на тачках свой не проданный за день товар. Многие здоровались с проходившим мимо них палачом, кто-то из соседей пытался завязать разговор, надеясь получить какую-нибудь информацию о допросе фон Бера. Петер не отвечал, прибавляя шага и стараясь не терять драгоценного времени.

Находясь в присутственных местах или при дворе бургомистра, Миллер одевался во все черное, как это обычно было принято у врачей. Его фигуру элегантно обтягивал камзол из тонкого камлота, обшитый серебряным позументом. Манжеты на рубашке и жабо были выполнены из тонких брабантских кружев серого цвета. Кроме этого на голове герра Миллера красовался тщательно завитый пышный каштановый парик, за которым он очень следил, так как все знают, что ничто не выдает положение и достаток человека так, как это делают его туфли, манжеты и парик.

Обычно в таком виде он выступал в суде, но сегодня ему предстоял официальный визит к судье, которому Петер Миллер придавал особое значение.

Перед домом судьи палач оглядел еще раз свои бархатные штаны, чулки и туфли со здоровенными, по последней моде, серебряными пряжками и, найдя их безупречными, постучал дверным молотком.

Ему открыла миловидная горничная, которая тут же пригласила его подняться в кабинет своего господина. Так, словно господина Миллера тут давно уже ждали. От внимательного взора Петера не укрылось, что, приседая перед ним в книксене, плутовка специально

потупила глазки, выставив на обозрение гостя пару хорошеньких грудок, в ложбинке которых поблескивал золотой крестик.

– Я знаю, как довести фон Бера до эшафота! – вместо традиционных приветствий с порога выпалил Миллер, глядя в глаза судьё.

– Вы... вы предлагаете? – судья поспешно поднялся из-за стола, за которым до этого сидел, что-то читая, и, торопливо подбежав к Миллеру, плотно закрыл дверь, в которой любопытная горничная оставила для себя крохотную щелочку.

Фон Канн был тем более удивлен, что до сих пор никто не только из судебных, но даже его милость сам бургомистр Оффенбурга не сумел заставить непокорного палача добиться фальшивого признания от невиновного. Миллер был кристально честен и совершенно неподкупен, так что его было невозможно как задобрить подарками, так и запугать угрозами.

– Я могу доказать, что он колдун! И тогда вы сможете послать его на костер. Или как пожелаете, – Петер стоял, скромно держа в руках широкополую шляпу и глядя перед собой. Его лицо залила краска, но это была не краска стыда, а лихорадочный румянец человека, решившегося на важный шаг и теперь рвущегося в бой.

– А мы получим его чистосердечные признания? – судья приблизился к Миллеру так близко, что палач явственно различил запах чеснока, перемешанного с табаком, исходящий от Себастьяна фон Канна.

– Возможно, что и не получим. А может, и удастся. В крайнем случае можно будет казнить его как нераскаившегося грешника. Я же говорю, я могу предъявить доказательства, в которые поверят самые уважаемые комиссары страны и с которыми согласится как церковный, так и светский суд. В которые поверит Рим, наконец! А что еще нужно?

– Заманчиво, заманчиво, черт возьми... – судья сел на свое место, жестом предлагая Миллеру последовать его примеру. – Но вы уверены, что фон Бер еще и колдун?

– Я знаю, что на его теле есть дьявольская метка, и то, что его нельзя оставлять в живых. А какая разница, за что его удастся припечь? Главное, что он должен умереть, а как колдун или как убийца, какая нам, в сущности, разница?..

Так господин Петер Миллер совершил первый неблагоприятный поступок в своей жизни.

* * *

Когда за палачом Миллером закрылась дверь, судья посидел еще некоторое время за столом, после чего, вытерев вспотевшее лицо завитым париком, подошел к картине на стене и, повернув завиток на раме, открыл замаскированную за картиной дверь, в проеме которой стоял молодой офицер в мундире цвета вареного рака с золотыми позументами на груди. Привычно перешагнув через раму картины, Йохан Мейфарт вопросительно уставился на судью.

– Я правильно понял, это ведь был герр Миллер? Палач, к которому ваша милость и магистр ордена отсылали меня пару месяцев назад? Признаться, не узнал бы его в этом роскошном костюме и парике.

– Да, это он, – судья и сам не мог прийти в себя. – Такое чувство, что сама судьба вдруг решила принести нам знаменитого гордеца на золотом блюде. Велики дела твои, Господи! Непостижимо!

– Действительно непостижимо. Я два раза приходил к нему домой. Умолял, заклинал, пытался подкупить. И вдруг ни с того ни с сего он сам...

– Теперь главное не давить на него, Миллер не любит, чтобы над ним кто-то стоял и указывал, как нужно поступать. Тем не менее при случае просто заверните к нему и ска-

жите, что, что бы ни случилось, какая бы помощь ему ни понадобилась, он может целиком и полностью рассчитывать на меня. Откройте ему, что я, Себастьян фон Канн, являюсь гроссмейстером ордена Справедливости и Милосердия и не зависимо от того, собирается ли он сотрудничать с нами, я лично готов оказать ему любую помощь и поддержку.

– Но, господин судья, открывая вашу принадлежность к ордену, мы рискуем... – попытался возразить офицер, но судья остановил его с отеческой заботой, поправляя кружевной воротник на мундире своего юного собрата по ордену.

– Я уже достаточно пожил на этом свете. Если палач Миллер сдаст меня властям, я всего лишь умру на несколько лет раньше того, что должен. Но, если мы не сделаем этого, Миллеру не к кому будет обратиться в случае затруднения, которое с легкостью смогут разрешить члены ордена и за которое никогда не возьмутся слуги нашего сеньора. Впрочем, вас же он не предал! Отчего же должен выдать меня?!

Глава 7. Похороны меча

*Еще до воплощения Христа и до Пунической войны, в Галлии один волк украл меч из ножен во время vigilií³.
Викентий «Зерцало истории»*

Дни шли за днями, давным-давно уже просвистел топор, отсекая голову славного разбойника фон Бера из стариннейшего рыцарского рода. Перед казнью фон Бер принародно пожал палачу руку, прощая и умоляя простить его самого. После чего приговоренный осведомился, приходил ли к Петеру кто-нибудь из его друзей или бывших однополчан, чтобы передать золото за хорошую казнь.

Господин Миллер сказал, что никто не приходил и ничего не приносил, но он сам чувствует некоторую вину перед фон Бером, поэтому казнь будет осуществлена с его стороны бескорыстно по отношению к самому господину рыцарю, Петер будет рад и своей обычной плате из казны.

Услышав, что бывшие друзья и подельники позабыли его в тяжелый момент жизни, фон Бер было расстроился, а потом снял с себя дорогой плащ, который был на нем, и перстень с руки, прося принять все это в уплату за хороший удар.

Петер пожал руку осужденному, заверив его, что, несмотря на размер его шеи, он отрубит его голову с такой легкостью, что добрейший фон Бер ничего и не заметит. После этого он уступил место священнику, и «раскаившийся колдун» принял последнее утешение, после чего господин Миллер сам помог ему удобнее устроиться на плахе, так как у разбойника все еще болела подпиленная шея. Успокоив его, как он это умел, Миллер принял из рук своего помощника Михеля лежащий в чехле и обернутый алым шелком топор. Занеся его над головой, маленький Миллер застыл на мгновение подобно соколу, готовящемуся камнем упасть на куропатку, после чего, сверкнув молнией, топор опустился на плаху, так что голова отделилась от тела в одно мгновение, подпрыгнув на месте и покотившись по помосту.

Следившие за казнью зеваки невольно заплодировали искусству палача.

Не обращая внимания на зрителей, палач Миллер бережно передал помощнику топор, после чего поднял с помоста голову фон Бера и, поклонившись ей, закрыл разбойнику глаза.

Господина фон Бера казнили на месяц раньше, чем в Оффенбурге должно было пройти аутодафе с шествием кающихся грешников, выставлением на всеобщее обозрение и побитие камнями клетки с настоящей ведьмой и прочими обычными для этого действия потехами. Причиной тому было ходатайство палача Миллера, который считал бесчеловечным не столько выставить фон Бера как отъявленнейшего слугу дьявола, которым он, по сути, и являлся, сколько позорить дворянина и рыцаря перед толпой простолюдинов. Ведь тогда бы господина фон Бера в одной рубашке и босиком вели бы по улицам города, в то время как помощник палача стегал бы его кнутом, а всякий, кому не лень, бросался в рыцаря гнилыми овощами и тухлыми яйцами.

Фон Бер догадался об этой милости и благодарил судьбу, что она позволила ему умереть с честью, смертью, приличествующей его роду и рыцарской чести.

После смерти разбойника и рыцаря фон Бера Петер был вынужден явиться в городскую управу, где попросил похоронить его меч с честью. Так как казнь фон Бера была сотая и, согласно традиции, после того, как меч отрубал сотую голову, над ним следовало провести обряд посвящения и похоронить как рыцаря.

³ Виги́лия (от лат. *vigilia*, бдение) в Католической церкви – общественное богослужение установленного чинопоследования, устав которого изначально предполагал проведение от захода солнца до рассвета, требуя от всех его участников бодрствования (отсутствия сна). Вигилии обычно проводятся в канун праздников.

Нет слов, как палачу не хотелось расставаться с прекрасным и верным ему мечом, но он верил в приметы и старался исполнять все обычаи и предписания. Поэтому в ноябре 1628 года в главном кафедральном соборе города Оффенбурга был торжественно похоронен меч.

Петер слышал одну историю о палаче, который отказался похоронить свой меч. Но это была плохая история. Говорили, что не успокоенный церковной землей меч ожил после сотой казни и перестал слушаться собственного хозяина.

Сначала он отсек палачу ногу, потом руку. А когда тот упал на землю, истекая кровью, меч самопроизвольно поднялся в воздух и искромсал беднягу на мелкие кусочки.

После летающий по воздуху меч был замечен в разных городах, где он творил зло и бесчинства, упиваясь человеческой кровью.

Все это случилось, потому что в меч вселился дьявол, которого только через два года сумел изгнать епископ города Мюнхена в Баварии, спрыснув его святой водой. После чего меч все-таки похоронили.

Глава 8. Коллега Филипп Баур

*Демон скупости и богатства носит название Маммон (Маммон), о котором говорил Христос в Евангелии от Матфея.
Генрих Инститорис, Якоб Шпренгер «Молот ведьм»*

После истории с сыном кузнеца Клаус почти перестал общаться с соседскими детьми, так как от пронизательного взора мальчика не укрылся тот факт, что взрослые относились к его отцу с подобострастием, продиктованным чувством глубочайшего страха, а дети попросту боялись его, считая исчадием ада. Будучи воспитанным в семье католиков, Клаус не мог позволить кому-либо даже в мыслях скверно отзываться о его родителях.

Поэтому он предпочел тихие тюремные дворики шумным улицам и компанию работающих при тюрьме взрослых обществу своих сверстников.

Зная, что в этой жизни у него одна дорога – продолжить дело отца и деда, Клаус занимался изучением инструментов палача, убирался в залах для допроса. Заматывая рот и нос шарфом, помогал разносить еду арестованным и время от времени замачивал в кадке с холодной водой окровавленную одежду отца. Вот и все занятия.

К слову, закрывать рот и нос приходилось не одному Клаусу, а всякому, не привыкшему к тюремной вони, так как прикованные к полу или стене арестанты испражнялись под себя и затем спали на этом дни, недели, месяцы, а бывало, и годы, зарабатывая язвы, гнойники и другие опасные болезни. Но, если в тюрьме Оффенбурга положение несчастных было еще более или менее сносным, так как палачи и судебные исполнители понемногу подлечивали своих подопечных, а такого страшного наказания, как пожизненное замуровывание в камере, не было вовсе, в других, более просвещенных в плане борьбы с ведьмами, городах людей запирали без света в мрачных подземных колодцах, время от времени подкармливая страдалцев через специальное окошко, которое запиралось, едва осужденный брал свою еду.

В таких местах уже никто не мог прийти на помощь арестованной по обвинению в колдовстве женщине, перевязав ее раны или дав ей возможность умыться. Одни лишь крысы, мухи да пауки посещали эти мрачные жилища.

После того как тюремщик докладывал о том, что осужденная на пожизненное замуровывание уже приличное время не подает признаков жизни, по всей видимости, умерла и давно в аду, страшную темницу открывали, после чего оттуда выволакивали объединенный крысами труп и, если того требовало строгое начальство, в камере немного прибирали.

Впрочем, все эти ужасы не имели ровным счетом никакого отношения к маленькому Клаусу, которого никто не собирался подпускать к опасным колдуньям ближе, чем это предписывал тюремный устав.

Однажды, когда Клаус сидел на крылечке своего дома, мастера деревянного солдата, к нему подошел палач Филипп Баур, который числился вторым в Оффенбурге палачом. Первым был Петер Миллер. Кроме них палачову работенку справляли еще несколько судебных исполнителей, но главными все же были Петер и Филипп.

Обычно Филипп Баур подменял отца Клауса в случае его болезни или когда главному палачу нужно было куда-нибудь отлучиться.

– Привет, Клаус! Ты не занят? – спросил его Филипп, по-мальчишески поигрывая расшитым кушаком. – Не хочешь зайти ко мне?

Клаус послушно поднялся, решив, что, должно быть, герру Бауру понадобилась его помощь. Стражники частенько посылали мальчика в соседний трактир за пивом, давая ему при этом монетку на пряник, а жены тюремщиков нередко просили его что-нибудь приколотить в доме или помочь поднести тяжелую корзину. Такая работа традиционно вознаграж-

далась спелым яблоком, засахаренными грушами, а то и только что снятым со сковороды жареным пирогом с требухой. Но мальчик был рад помогать соседям и просто так, уж больно скучно одному сидеть дома, ожидая, когда отец возьмет тебя с собой поиграть в комнату пыток.

Филипп шел впереди, засунув руки в потертые и вылинявшие настолько, что уже невозможно было определить их изначальный цвет, штаны, на нем была мягкая рубаша и кожаный жилет нараспашку. В отличие от любящего чистоту и порядок Петера, Филипп был больше похож на землекопа, нежели на судебного исполнителя и второго палача.

Подойдя к дому, герр Филипп распахнул перед мальчиком дверь, приглашая его зайти внутрь.

Клаус никогда прежде не бывал в доме палача Баура, поэтому теперь он озибался по сторонам, разглядывая неожиданно богатую обстановку. На дверях были тяжелые шторы с золотым рисунком, а под ногами теплые, аккуратные коврики зеленого цвета. На стене висело небольшое зеркало в виде сердечка. Под зеркальцем была прикреплена полка, на которой лежали шпильки и ленты, при помощи которых крепились шляпки и чепцы фрау Баур и их с Филиппом дочери Эльзы.

Другая полка у самого пола предназначалась для уличной обуви. Вешалка для одежды прикрывалась небольшой ширмой, так что Клаус ее поначалу не заметил.

Разрешиw мальчику не разуваться, герр Баур проводил его в комнату, но вместо работы, которую ожидал Клаус, Филипп посадил его за стол и, принеся из кухни пышущий жаром чайник, разлил по чашкам ароматный напиток. Тут же на столе оказались свежайшие лепешки и две миски с медом, куда герр Баур рекомендовал макать лепешки, чтобы было вкуснее. Кроме этого, он достал из резного и очень красивого буфета бутылочку малаги и, подлив ее в чай, предложил мальчику. На закуску, кроме лепешек, пошли лесные орехи и сушеные фрукты, которые в этом году стоили аж по десяти альбусов за горсть.

Угощая мальчика горячим чаем со сладостями, Филипп рассказывал ему о том, что всегда мечтал иметь сына, которого он мог бы обучать мастерству. Чета Баур жила вместе уже более двадцати лет, но, кроме красавицы дочери, других детей им так и не подарил Господь. Правда, в своей единственной дочери – семнадцатилетней Эльзе Баур – Филипп и его жена Жанна души не чаяли, одевая ее как принцессу и ежечасно балуя. Но сын – это же совсем другое дело. Кому старый Филипп передаст премудрости мастерства? Кого обучит тонкостям, помогшим ему лично сколотить недурственное состояние? Во всяком случае, не этим лодырям и бездарностям, судебным исполнителям Бэка и Веселину, которые даже винты как следует закрутить не могут, не то что воспользоваться «ведьминым тронoм» или лестницей для растягивания. Куда им, только и думают, как деньгу загребать да пузо набивать. И уж, конечно, не Михелю Мегереру, что ходит в учениках отца Клауса. Таких олухов, как этот Михель, еще поискать нужно. Потому как мало того, что Михель Мегерер трус, каких мало, так он еще и до баб чрезмерно охоч. А это в палачовом деле недостаток самый скверный. Потому как работать приходится с одними только женщинами, а тех следует донага раздевать да по-разному связывать и выкручивать, так что человеку более чувствительному и смотреть-то тошно.

А ведьмы – они ведь, прежде всего, бабы, и бабы хитрые. Вот прознает одна такая, что Михель Мегерер к ней воспыал страстью, и поставит условия, мол, я тебе – а ты мне. А Михель, он же дурак распоследний, уши развесит и непременно бабу ту из тюрьмы вытащить попытается. А это же прямая дороженька на виселицу!

Так что как-то само выходило, будто Филипп Баур оказывался кругом прав, и, действительно, не мог никому передать своего умения.

Все это было очень печально, отчего полупьяный Клаус жалел старину Филиппа чуть ли не до слез. Его то распирала обида за такого доброго и обходительного человека,

господина Баура, и его жену, и он мечтал отправиться к Господу, чтобы спросить его по-свойски, отчего тот не желает осчастливить семью герра Филиппа долгожданным младенцем, то был готов прямо сейчас жениться на его дочери, с тем чтобы Филипп мог называть его зятем и знал, что его знания и опыт не пропадут даром.

Он хотел было уже сделать это великодушное предложение, проглотив даже тот факт, что Эльза старше его на целых семь лет, а ему самому еще рано думать о женитьбе. Подумаешь, большое дело, когда речь идет о престиже профессии и о том, чтобы доставить удовольствие такому милому человеку, как палач Баур.

Потом Филипп вдруг опустился на корточки и, подняв расшитый шелком подзор, свисающий с кровати, извлек оттуда сундучок с инструментами. Обрадованный, что есть возможность блеснуть знаниями, порадовав тем самым добрейшего хозяина, Клаус тут же опустился на колени рядом с заветным ящиком и начал рассказывать, что там и для чего. Довольный Филипп то и дело кивал, хваля мальчика и глядя его по голове.

Время пролетело незаметно, так что, когда за окном послышался голос матери Клауса, зовущей его домой, мальчик с плохо скрываемым сожалением в голосе попрощался со своим новым другом.

Глава 9. Палачовы деньги

*Не все наши злые помыслы исходят от черта. Они часто рождаются из движений нашей собственной воли.
Августин из книги «О церковных догматах»*

На следующий день Клаус специально сидел на крылечке, поджидая, когда работающий в этот день Филипп выйдет из двери тюрьмы подышать свежим воздухом или отправится домой обедать, чтобы перекинуться с ним парой слов.

На самом деле он, конечно же, хотел продолжить начатый вчера разговор, но был бы доволен и простым приветствием, которым обычно обменивались между собой соседи. Он просто хотел увидеть господина Баура и еще раз почувствовать вдруг вспыхнувшую вчера дружбу.

Вопреки самым смелым ожиданиям мальчика, палач Баур не только поздоровался с ним и пожал ему руку, а еще и пригласил зайти в тюрьму, где он в этот день должен был дежурить в паре с Веселином.

Клаус много раз бывал в тюрьме и раньше, поэтому не заставил просить себя дважды.

На этот раз господин Филипп приготовил бутылку наливки и пирог с говядиной, который дала ему с собой жена. Откушав и поболтав о пустяках, Филипп вдруг сделался серьезным и спросил Клауса, собирается ли он служить в Оффенбурге вместе со своим непревзойденным в мастерстве отцом или отец примет, наконец, должность комиссара, оставив работу на Клауса.

Обо всем этом мальчик не имел никакого понятия. Тогда Филипп поинтересовался, где, по мнению Клауса, лучше работать – на постоянном месте при каком-нибудь суде, тюрьме, или на разъездах.

Мальчик сказал, что, вероятнее всего, более интересно было бы переезжать с места на место, на что Филипп рассмеялся, заметив, что лучше работать там, где больше платят.

Он, Филипп, уж поездил по свету. Был и в Баварии, где еще жива легенда о том, как сын местного герцога, вопреки воле отца, женился на простой банщице. А отец потом, обвинив невестку в колдовстве, спешно произвел дознание, суд, да еще и утопил бедняжку, пока сын со свитой и друзьями был на охоте.

Правда, с утоплением там заминочка вышла, местный палач оказался незнакомым с методикой проведения этой казни, он привязал железный лом к волосам приговоренной и сбросил ее в воду. Но лом отвязался в воде, и женщина спаслась. Так что пришлось топить ее во второй раз. Уж он-то, Филипп, не опростоволосился бы таким образом. После того случая в Мюнхене всегда служили самые лучшие палачи.

Работа в разных княжествах отличалась только тем, что приходилось привыкать к твердым ценам, принятым на этой земле, хотя, по сути дела, оплата мало чем отличалась. Везде все было похоже, и повсеместно оплата зависела от сделанной работы. Потому что это же форменное безобразие, когда палач получает, как простой солдат, фиксированное жалованье. Так же никакого старания не будет.

Например, в Лейпциге, кроме всего прочего, местный герцог оплачивал само присутствие палача на пытке. Это стоило 2 гульдена и 30 геллеров. Так что, даже если допрос каким-то чудным образом обходился без пыток, что случалось, правда, крайне редко, палач мог рассчитывать хотя бы на эти скудные барыши. В то время как в баварском Мюнхене палачу не платили ни альбуса за то, что он поднимал свой зад с супружеской постели и шел

на допрос. Но зато там платили целый рейхсталер⁴ за то, что палач показывал перед допросом с пристрастием орудия пыток подозреваемым, запугивая их.

Порка розгами в Дармштадте оценивалась в 3 гульдена 30 крон, в Мюнхене – 1 рейхсталер, включая стоимость прутьев, которые должен был закупать сам палач или его помощник. Здесь могли выгадать палачи, имеющие сыновей, так как, в то время когда сам палач был занят более серьезным делом, сынок мог сбегать к ближайшему пруду и наломать там свежих веток, не платя торговцам.

– Но ни в Дармштадте, ни в Мюнхене никто не мог сказать точно, сколько ударов полагается на одну порку! Каково?! – он весело шлепнул Клауса по плечу. – Понимаешь, один лентяй ударит пять-шесть раз, и все, а другой может и увлечься. А платят-то, платят одинаково!

Во всем нужен точный расчет, чтобы никто не смел отлынивать. В Косфельде, например, помощник палача стоит рядом и считает удары, за каждый палач получает по 4 крейцера. Но прутья опять же за счет палача.

В Дармштадте сжатие ноги в испанском сапоге или зажимание пальцев в тисках может принести палачу 2 гульдена 30 геллеров, а у нас в Оффенбурге 1 рейхсталер 26 альбусов и ни на один альбус больше. Но зато у нас палач получает целых 2 гульдена 26 альбусов за вправление вывихнутых суставов после пытки и лечение ожогов и ран мазью. В Косфельде же палачи, точно добрые самаритяне, обязаны лечить этот сброд на свои средства! – Он хлопнул себя по коленкам и, вскочив, прошелся по комнатке. – А не лечить нельзя! Потому как, если у тебя человек помирает после первой же пытки, ты же не получишь того, что можешь заработать в ходе последующих допросов! А казнь – это же самые большие деньги! Но если у тебя подох преступник до казни, за казнь тебе ни за что не заплатят! Мало этого – судья еще может привлечь тебя к денежному штрафу или назначить до пятидесяти ударов по спине. А после порки какая уж тут работа! Лежишь строго на животе и повернуться не моги. Ни тебе сесть, ни рукой пошевелить. Помочиться в горшок – пытка.

Было заметно, что Филипп знает, о чем говорит: и пороли его за смерть подследственных, и штрафы налагали далеко не один раз.

– Я еще не сказал о сожжении заживо! – По лицу Филиппа поползла довольная улыбка, рука потирала руку. – В Дармштадте за это платили 14 гульденов. Но сюда уже входило все про все. В Мюнхене за то же – 4 флорина. И еще приходится делиться с помощниками, потому как одному трудно со всем справиться. А вот в Косфельде – как раз полнейший порядок – самосожжение стоит, конечно, неправдоподобно низко... – Он сделал выразительную паузу, предоставляя мальчику назвать цену, но когда Клаус запнулся, Филипп выдал из себя: – Всего 4 флорина! – брызнув при этом слюной. – Но зато там все прописано по пунктам: сложить костер – 1 флорин, высыпать пепел сожженной в освещенную воду – еще флорин. И дальше аккуратно пункт за пунктом.

– Вот такие пироги, – подытожил сказанное герр Баур. – Жаль, что не все палачи понимают это. Твой отец, например, лучший в Оффенбурге, да и вообще – лучший. Но только одного не пойму, как он может выпускать на свободу ведьм, всего лишь проткнув их в нескольких местах иглой? Ведь проверка иглой по деньгам – мелочь. Если же ты палач и отпускаешь подозреваемых, мол, они не виновны, кого ты, прежде всего, этим наказываешь?

– Никого не наказываешь, – не понял вопроса Клаус. – Кого же наказывать, если виноватых нет.

– Вот-вот, тогда самыми виноватыми получают родные и близкие палача. Потому как папа не сумел выбить из глупой, пустой старухи, которую уже ему словили и готовень-

⁴ Рейхсталер – германская серебряная монета XVI века, массой 29,23 г.

кую притащили, признания в связи с нечистым. А значит, он на ней ничего толком не заработал, и, вместо того чтобы кушать сдобные булки с медом и есть крольчатину, его семья, точно проклятые французы, день-деньской хлебает пустую луковую похлебку. Ну разве ж это справедливо?!

– А посылать невиновных на казнь справедливо? – заступился за отца Клаус.

– Людишки, они всегда в чем-нибудь да виноваты, не в этом, так в другом. Ну, не в колдовстве, так в блуде с соседом. Не в полетах на шабаш, так в воровстве. Какая разница, кого и за что? Господь справедлив и сам разберется, кто у него по какому делу пойдет. К тому же раньше умерший человек не успевает сделать кучу пакостей, которые, быть может, дьявол уже приготовил для него! А значит, на том свете ему уже меньше отвечать. Что же касается невиновного, то тут и вовсе замечательно все выходит. Потому как, коли палач казнит невиновную, Господь непременно ее сразу же в рай и определит. Следовательно, палач – он кто? Он молодец! И потом, если ты думаешь, что на нашем ремесле можно кучу золота загрести и дворец до неба выстроить, то это не так. Мы, палачи, получаем сущую ерунду по сравнению с тем, что идет нашим господам и в городскую казну, следовательно, мы уничтожаем злых и вредных людишек и, одновременно с тем, приносим ощутимый доход в казну.

– Вот, погляди, например, у меня даже один документик сохранился, – герр Баур порылся в кармане подбитой мехом телогрейки и вытащил оттуда сложенный вчетверо листок. – Ты читать-то умеешь?

Клаус утвердительно кивнул головой.

– Погляди, вот расценочный лист на казнь знаменитого разбойника и колдуна фон Бера, которую столь блистательно провел твой отец. Погляди, господин Петер Миллер, как непосредственный исполнитель воли суда, то есть палач, получил от города 10 рейхсталеров 5 альбусов. Говоря откровенно – не жирно, но и совсем не плохо. Сколько у него перебивало этих фон Беров... Другое дело, что здесь же мы видим, перед казнью был устроен торжественный банкет в честь поимки и предстоящей казни разбойника, на который ушло 30 рейхсталеров и 30 альбусов! – он отодвинулся от Клауса, наблюдая за его реакцией. – Каково?! Это же втрое больше по сравнению с тем, что получил твой отец, который, в сущности, и проделал все дело, за исключением самой поимки негодяя! Скажу для сравнения, что за содержание фон Бера в течение, кажется, полутора месяцев под стражей и в уплату самой стражи со всеми тюремщиками, конвойными и сторожами ушло всего-то 33 рейхсталера 25 альбусов. Ты понимаешь, о чем я? Даже если палач и вытягивает клещами ложное признание, тем самым зарабатывая себе медный грошик, его нельзя за это винить. Потому что эти деньги необходимы ему для поддержания собственной жизни, а также жизни жены и возлюбленных чад, которые должны быть накормлены и одеты, которые должны каждый день получать приятные эмоции. В то время как отец семейства обязан ежедневно нырять в само адово пекло за парой-тройкой вшивых рейхсталеров!

Лицо герра Баура при этом покраснелось, на лбу выступил пот.

– Я говорю это к тому, милый Клаус, что комиссары, палачи и тюремщики недовольны тем, что делает твой отец. Он слишком уж совестливый, слишком добрый и благородный палач. Рядом с ним мы не можем зарабатывать столько, сколько нам дает Господь. Поэтому я не удивлюсь, если в один из дней, если ты, конечно, не попросишь его принять должность комиссара и уехать от нас, ему на голову может свалиться его же топорище, которое вдруг окажется плохо приделанным к основанию, или он вдруг споткнется спяну и упадет в горящий камин. Всякое бывает. Но не давать нам зарабатывать то, что дал нам всемогущий Гос...

– Или дьявол! – В дверях, бледный и взволнованный, стоял Петер Миллер. Клаус тотчас же бросился к отцу, плача и умоляя простить его за невольную измену.

– Еще раз попытаешься соблазнить или запугивать моего сына, пожалеешь, что родился на свет, – коротко посулил Петер. – Правда, я тебя убивать, скорее всего, не стану, а просто сообщу куда следует о том, как ты мухлюешь с иглами, и тебя погонят взащей, отправив все твоё имущество в казну. Но, ежели только я сообщу кому-нибудь свыше или проболтаюсь на исповеди о том, что ты соорудил с распятием... – он сокрушенно покачал головой. – Тебя ждет по меньшей мере четвертование!

С этими словами отец забрал сына, и вместе они вышли из душной тюрьмы.

Глава 10. Палач палачу рознь

*Опыт, практика и многообразные занятия дают судьям столько знаний, что они могут вернее решать, что дозволено, а что нет.
Генрих Инститорис, Якоб Шпренгер «Молот ведьм»*

Они молча прошли через тюремный дворик и вернулись домой. Клаус чувствовал себя виноватым, Петер думал о своем.

Отец первый поднялся на крыльцо, вытирая о коврик ноги, Клаус замешкался, в последний момент приметив фигуру молодого человека, подпирающего спиной стену дома и качнувшегося навстречу мальчику так, словно хотел что-то ему сказать.

Им оказался сын священника из церкви Девы Марии, что за мостом, недавно окончивший университет с дипломом бакалавра медицины, Густав Офелер. Несмотря на разницу в возрасте, – Густаву было двадцать лет, – он всегда был добр к младшим ребятам и несколько раз даже вырубал Клауса мелкой монеткой для игры в шарики.

Косясь на отца, Клаус поздоровался с Густавом, показывая глазами, что сейчас ему не до него. Вслед за отцом мальчик вошел в дом, продолжая думать о Густаве, явно не случайно забредшем в их район и теперь оставленном на улице, точно он и не человек, а какой-нибудь приبلудный щенок.

Он хотел было уже сказать отцу об Офелере. Но едва он открыл рот, как Петер быстро присел перед сыном на корточки, держа его руки в своих и заглядывая в глаза.

– Тебе что, сильно нравится Филипп Баур? – горячо зашептал он. – Он же не друг тебе, неужели не понятно?!

– Не нравится... – глаза Клауса увлажнились. – Мне просто было очень скучно, а герр Баур так занятно рассказывает. С ним так интересно, и потом, мы говорили о моей будущей профессии, о нашей профессии. Ты же сам не раз говорил, что я должен учиться, вот я и...

– Учиться гробить свою душу? Ради всего святого, Клаус! Если хочешь погубить свою бессмертную душу, сделай это с наименьшим вредом для окружающих! Ведь Филипп Баур посылает на смерть невинных, кровь которых когда-нибудь падет на его грешную голову!

– Но... разве палач не должен убивать людей? – Клаус старался не смотреть в пронзительные глаза отца и не дышать в его сторону, понимая, что с такого расстояния он без труда учует запах вина.

– Палач исполняет приговор. Это так. Палач помогает в дознании: при помощи простого шила я могу доказать, что женщина ведьма или что она не имеет отношения к колдовству. Но я делаю это честно. Нашел ведьмин знак – говорю об этом судье. Не нашел, проверил еще раз. Нет – значит, нет. И мне плевать, что об этой женщине ходит дурная слава. Что ее не любят соседи или на нее поступил донос. Когда у пивовара киснет пиво, он желает выместить зло на ком-либо. Обвинить кого-то другого, но только не себя, за то, что допустил ошибку во время закладки сула. Вот он сидит в своем погребке, чешет бороду и припоминает события минувшего дня. А потом является в суд с жалобой, мол, именно в этот день мимо его дома прошла баба с черным котом, которая к тому же остановилась и попросила его хозяйку вынести ей чашку воды. Когда женщина ушла, он открыл бочку, пиво в которой оказалось кислее уксуса. Кто же эта женщина, если не ведьма?! После этого «ведьму» хватают, и палач должен определить, действительно ли она ведьма или пивовару все привиделось. Так вот, Бауру безразлична вина этой женщины, он только считает, сколько получит за пробу иглой, сколько – за растягивание, сколько – за сжатие. Поэтому он специально затягивает проверки, требуя новых и новых допросов. И в результате измученная и искалеченная женщина признается в том, что наложила порчу на бочонок пива. Признается в чем

угодно, лишь бы ее только прекратили истязать. Еще десять лет назад от палача требовали искать конкретное ведьмино клеймо – родинку или пятно в виде кошачьего или собачьего следа, или чтобы оно было похоже на козла. Причем, при прокалывании это место должно было быть нечувствительным и из него не должна была течь кровь. Сейчас стараниями таких палачей, как Баур, мы ищем точку, которую, может быть, вообще не видно, мол, ведьмино клеймо находится глубоко под кожей. То есть палач тычет иглой куда ни попадая, пока не найдет похожее место. Так что, если прежде нечестный палач мог сам тайком нарисовать на теле подследственной кошачий след, теперь... – Петер махнул рукой, поднимаясь и потирая натруженные колени. Они вошли в светелку, где на столе была постелена белая скатерть с вышивкой и стояла миска с яблоками.

– Но господин Баур проводит испытание иглой в присутствии судейских, которые видят все и свидетельствуют затем в суде. – Клаус вошел в комнату вслед за отцом и сел на стул у стола, глядя на румяное, смотрящее на него яблоко. – Нарисовать клеймо – это одно, но сделать так, чтобы из ранки не текла кровь...

– Ты прав, в этом-то и состоит дьявольский умысел Филиппа и ему подобных. Дело в том, что мы используем иглу с так называемым треугольным кончиком и утолщением к основанию. Такая игла прорезает ткани и как бы расширяет дыру, из которой естественно течет кровь, в то время как Филипп и его дружки берут тончайшую иголку с закругленным кончиком. Эта иголка может войти в тело человека, вообще не вызвав кровотечения, или сделать его настолько минимальным, словно такового и не было. Кроме того, я уже слышал о специальном шиле, иголка в котором убирается в рукоятку, как нож комедианта. То есть палач прижимает рукоятку к телу подследственной так, что все думают, будто бы иголка вошла в плоть, в то время как она скрылась в рукоятке. Женщина не чувствует боли – клеймо найдено!

Клаус посмотрел в окно, с удивлением для себя приметив, что Густав Офелер все еще мнется там, так и не собравшись с силами подергать дверной колокольчик.

– Это очень грязно и гадко, – наконец подытожил Клаус, беря яблоко и вытирая его о свою курточку. – А дьявол действительно метит людей своим клеймом?

– Не знаю, – отец утомленно сел рядом с ним, смотря в пол. – Мне только известно, что ведьмино клеймо – реальность. И если можно послать на костер только тех, у кого не идет кровь и кто не ощущает боли, я так и делаю. Но остальных – остальных я рекомендую суду отпустить за недоказанность связи с дьяволом и преступлений против церкви. И если я не прав – пусть Господь накажет меня за это заблуждение. Наша профессия грязна и мерзка! – Он снова поднялся и подошел к окну, смотря на начавший накрапывать дождик. – Но... человеческая злоба в сто крат грязнее, поэтому я утверждал и продолжаю утверждать, что для этих несчастных мы, палачи, – единственная и последняя надежда на человеческую справедливость. Потому что если Папа сказал, что следует казнить только обладателей чертовой метки, или, как ее еще называют, ведьмино клейма, то у нас появляется реальный шанс спасти остальных. В городе Ортенау раз в неделю проходит лекция для палачей, судебных исполнителей и юристов, на которой ученые мужи будут рассказывать о пробе водой, которую святейшая церковь рекомендует использовать после пробы иглой, если последняя дала положительный результат. Кто знает, может быть, после того как была отменена проба раскаленным железом, эта проба водой позволит нам спасти от огня невинных. Я давно уже отпросился у нашего бургомистра, и он через месяц даст мне подорожную и письма к хозяину Ортенау, чтобы я мог все как следует разглядеть и перенять. Кстати, – он повернулся к сыну, подзывая его к себе, – не кажется ли тебе, что этот господин, который уже битый час мокнет под нашими окнами, не кто иной, как ученый бакалавр герр Густав Офелер? Если так, беги и зови его в дом! Еще не хватало, чтобы тот, кто должен лечить других, сам слег в постель от простуды!

Глава 11. История одного похищения

Действительный же демон блуда и князь инкубата и суккубата называется Asmodeus (Асмодей), а в переводе – «носитель суда».
Генрих Инститорис, Якоб Шпренгер «Молот ведьм»

Едва Клаус выскочил в переднюю, как в дверь кто-то громко постучал. Мальчик распахнул дверь, но на пороге стоял не Офелер, которого Клаус намеревался позвать на чай и который был в этот момент у окна на другой стороне дома.

Перед Клаусом стоял невысокий человек с тонкими усами и острым лихорадочным взглядом. Одет незнакомец был в потертый камзол цвета вареного рака, с расшитыми на груди золотыми позументами, как одевались обычно офицеры личной гвардии бургомистра. В руках его была черная шляпа с красным страусовым плюмажем, которой он, судя по всему, очень дорожил.

Скользнув взглядом по лицу мальчика, офицер заглянул в дом и, приметив Петера, поклонился ему, проходя в светелку.

– Вас срочно просят прибыть в кабинет начальника тюрьмы. Верховный судья Себастьян фон Канн и окружной судья Иероним Тенглер уже там, – сообщил он официальным тоном, с трудом переводя дух, отчего можно было вообразить, будто бы он был вынужден бежать, вместо того чтобы, как все офицеры, скакать на коне или ехать в карете. – Мы поймали мерзавца, так что теперь дело за вами. Дело деликатное, но там без бутылки сам черт ногу сломит... – более доверительно продолжил он.

Петер быстро переоделся за старенькой ширмой и, наскоро попрощавшись с сыном, вышел вслед за офицером.

Мальчик остался один.

На самом деле происходило следующее: единственную дочь барона Шварцкопфа, наследницу огромного состояния и самую завидную после дочери самого губернатора невесту, угораздило влюбиться в картежника, волокиту и сорвиголову – тридцатидвухлетнего офицера из Дармштадта Ганза Гортера. У него мало того что просто не водилось денег, Ганз Гортер был в долгах как в шелках, пил, гулял, водил компании с местными отбросами общества и дрянными девками и попеременно состоял любовником нескольких богатых вдовушек, которые одевали его, кормили и периодически выкупали из долговых ям.

Увидев как-то в окне красавицу дочку барона Шварцкопфа, юную Мари, волокита тотчас выяснил о ее приданом и остался приятно-довольным известием. После чего он начал фланировать под окнами девицы, рассказывая ей о своей пламенной любви и умоляя бежать с ним.

Вскоре ему удалось-таки склонить фрекен Мари дать ему согласие на побег. Подготовив коляску и сообщив девушке, что в одной деревенской церкви их ждет священник, он назначил время побега и сообщил, что будет ждать ее за домом барона. Кутаясь в накидку с капюшоном, девушка вышла через заднюю дверь, придерживая подол платья, чтобы оно не намокло от росы, пробежала по дорожке сада до калитки, где ждал ее красавец жених. Дрожа от страха и любви, юная баронесса прижалась щекой к мундиру красавца Ганза, уже видя себя фрау Гортер, когда тот бережно взял ее за ручку и, ласково, но властно обнимая за плечи, открыл перед ней дверцу в карету.

Через секунду Мария Шварцкопф оказалась окруженной кромешным мраком. В карете были задернуты занавески, она хотела посмотреть в последний раз на дом, в котором выросла, но ее возлюбленный сразу плотно закрыл за собой дверь, притиснувшись к девушке и обдавая ее винными ароматами.

Она попробовала открыть окошко, но похититель тут же удержал ее за руку, не давая возможности запомнить дорогу. Желая немного отвлечь девушку, он сжал ее в объятиях и страстно поцеловал в губы.

Мария ответила на поцелуй, воображая себя героиней какой-то старинной легенды, романа или сказки, которые обычно рассказывают друг другу юные девушки.

Тревога, появившаяся вначале из-за зашторенных окон и излишней таинственности, понемногу отступила на второй план.

«Должно быть, все идет как нужно, – думала Мария, – меня же еще никогда не похищали. Откуда мне знать?!»

Они ехали какое-то время, не разговаривая. По тому, что телега стала вдруг больше трястись, баронесса поняла, что они выехали за город. Тем временем ее кавалер налегал на нее все больше и больше, так что не привыкшей к подобному обращению девушке сделалось трудно дышать. Она попыталась отстраниться от Густава, но он только рассмеялся в ответ.

– Куда вы так торопитесь, мой дорогой? – Мари попыталась смягчить остроту ситуации. – После венчания я буду принадлежать вам полностью и на всю жизнь.

– После венчания! – Гортен вновь залился звонким смехом, который вдруг так не понравился его юной невесте.

– А знаете ли вы, что за ваше сопротивление я могу вообще не жениться на вас? – спросил он с издевкой в голосе. – Тем не менее ваши родные уже начали вас искать, и, даже если я отпущу вас сейчас на все четыре стороны, для них вы все равно будете потерявшей девичью честь блудницей. Кто поверит, что вы были с таким человеком, как я, и остались нетронутой? Ваша репутация и репутация вашего отца навеки окажутся погубленными. Поэтому мой вам совет. Не ерепеньтесь и, главное, не мешайте мне сделать то, ради чего мы сегодня предприняли столь смелый вояж. И тогда, быть может, я помилую вас и соглашусь принять от вашего отца выкуп и приданое и назовусь его зятем.

Глава 12. Зять барона Шварцкопфа

Демон заносчивости называется Lewiathan (Левиафан), т. е. «добавление», т. к. черт при искушении Адама и Евы обещался добавить им богоподобие.

Генрих Инститорис, Якоб Шпренгер «Молот ведьм»

Проклятый Гортер сдержал слово. Он поселил Мари Шварцкопф в деревенском домике под охраной своего денщика, где жил с ней как с женой три дня, за которые он регулярно высылал письма отцу девушки с угрозами и требованием о выдаче ему ее приданого, а также дополнительно крупной суммы денег и гарантий о том, что будущий тесть поможет Ганзу Гортеру получить приличествующую положения зятя барона Шварцкопфа должность.

Три дня унижительного плена, за которые Ганз Гортер то грозился отрезать своей юной невесте пальцы, чтобы послать их в коробочке отцу, то запирали ее в холодном подвале, то грозился, что за непокорность она будет отдана на потеху солдатне. Юной Мари Шварцкопф казалось, что она попала в ад. Каждое утро она писала отцу, умоляя спасти ее из позорного плена, после чего в течение дня выполняла всю черную работу по дому, чтобы к ночи сделаться покорнейшей рабой своего похитителя, служа ему в постели.

Так днем коварный Гортер отправлялся в Оффенбург, для того чтобы встретиться с отцом «невесты», а ночью он изводил ее своими ласками.

Через три дня барон согласился передать приданое своей дочери и все деньги за выкуп своему будущему зятю, после чего Ганз Гортер как честный человек должен был в присутствии отца обвенчаться с Мари. Встреча была назначена за старым кладбищем, в маленькой церквушке, где уже грезившего себя богатым и уважаемым человеком жениха ждали гвардейцы бургомистра и личная охрана барона Шварцкопфа.

Схваченный во время получения выкупа «жених» был доставлен в тюрьму, куда вскоре после этого был приглашен главный палач Оффенбурга Петер Миллер.

Дело с дочкой барона было настолько щекотливым и тонким, что судебские желали покончить с ним как только возможно быстрее, поэтому верховный судья фон Канн приехал в тюрьму сам, а не стал вызывать никого к себе домой или в судебскую палату, дабы не терять драгоценного времени.

В тесной комнате начальника тюрьмы сидели все участвующие в деле лица: сам верховный судья Себастьян фон Канн, окружной судья Иероним Тенглер, принимающие участие в захвате похитителя и освобождении его жертвы офицеры стражи, а также секретари суда и писари.

Когда с поклоном туда вошел Миллер, судья фон Канн сразу же приступил к делу:

– Итак, господа. Господин главный палач. Дело, которое мы сегодня рассматриваем, имеет первостепенную срочность и такую же важность, так как задействована честь одного из знатнейших и богатейших людей в Оффенбурге и непосредственно его дочери.

Имена не произносились, но все и так знали, о ком речь, так что предосторожности были излишними.

Миллер улыбнулся этой мысли, и тут же судья обратился к нему:

– Не скрою, вся надежда на вас, мой друг. Если вы не справитесь с насильником и похитителем дотемна, завтра весь город будет вопить о бесчестье девицы... – он замялся, разводя руками. Мол, как тут по-другому сказать. Зашифровывай, перезашифровывай, а бесчестье все одно бесчестьем останется.

– Ваша честь, – Петер поднял на судью свои ясные голубые глаза. – Я, конечно, рад помочь. Кроме того, это моя обязанность перед городом, но только не уточните ли вы, что именно я должен сделать?

– Похититель и насильник пойман, девица спасена и в настоящее время вместе со своим отцом находится недалеко отсюда с тем, чтобы прибыть в тюремную часовню по первому вашему зову.

– Вы хотите сказать, что я должен заставить Ганза Гортера жениться на госпоже... – Петер закашлялся, чтобы не назвать всем известного и давно пытающегося сорваться с уст имени.

– Вот именно. Мы не можем послать на казнь мерзавца, потому как в этом случае благородная девица будет опозорена до конца своих дней. Поэтому барон и обещает прекратить преследования Гортера, назвав его своим зятем.

– Разве мало того, что проклятый Ганз Гортер похитил девушку из благородного дома и мучил ее несколько дней? Вы требуете от меня, чтобы я помог передать теперь ее же ему, чтобы господин Гортер продолжал издеваться над несчастной теперь уже на законных основаниях?!

– Что делать, господин Миллер! – судья Тенглер всплеснул руками. – Что делать, нам придется подчиниться! Высокому суду остается одно из двух: либо казнить насильника, либо заставить его жениться на своей жертве, тем самым смыв ее позор.

– Какой позор?! – Петер понимал, что зашел уже за дозволенную грань, но не мог остановиться. – Ваша честь, – Миллер резко развернулся, так что его взгляд встретился со взглядом окружного судьи, – разрешите вопрос, как поживает ваша дочь?

Удар достиг цели, судья Тенглер смертельно побледнел, затравленно глядя на палача.

– Скажите, герр Тенглер, можете ли вы, находясь в здравом уме и трезвой памяти, отдать свою дочь, чуть было не умершую от холода в заброшенном доме, смогли бы вы после спасения вернуть ее в руки ее похитителя, если бы обстоятельства были схожими?

– Моей дочери только шесть лет... – язык судьи заплетался, он облизал пересохшие губы, с ужасом обводя взглядом присутствующих.

– Как вы знаете, по предписанию, взятому из книги господ Инститориса и Шпренгера, девочка шести лет считается пригодной к соитию и деторождению.

– Но дьявол фон Бер не насиловал мою дочь! Он похитил ее единственно с целью получения выкупа! Клянусь богом, господин верховный судья, он не дотронулся до моего ребенка!

– А если бы! – Петер не сводил с судьи приковывающего взгляда. – Если бы госпожа Мария Шварцкопф была ваша дочь, вы отдали бы ее во второй раз в руки насильнику?

– Я? Никогда! Я уехал бы из города и увез отсюда мое дорогое дитя, чтобы никто, никто в целом мире не узнал о ее позоре и не посмел бы косо глянуть в ее сторону. Я дрался бы, наконец! С фон Бером, с Гортером, с целым миром! – судья тяжело отдышался. – Но, хотя... откуда я знаю... То есть я хотел сказать, что господин барон дал нам четкие инструкции, и вы должны, нет, просто обязаны спасти честь его дочери.

– А какое наказание тогда понесет ее соблазнитель? Ее мучитель? Как я должен казнить его? В наказание он сделается зятем барона? Порядочным человеком? Получит в жены красавицу баронессу? Наследует титул? Кучу денег? Должность? Тогда все молодые люди начнут воровать богатых девиц, насиловать их и затем получать титулы и поместья!

– Так или иначе, либо беритесь за дело, либо за него возьмется Филипп Баур, – снова взял слово притихший было во время перепалки фон Канн. – Все, что я хотел бы услышать от вас, это время, которое понадобится вам для того, чтобы сломить волю подлеца, принудив его к браку с девицей Шварцкопф. Черт возьми, Миллер, из-за вас я сам произнес это имя, хотя обещал господину барону, что все останется в глубочайшей тайне.

– Останется, как же... – усмехнулся сидящий тут же офицер Мейфарт. – Да этот Гортер, что сорока, языком мелет почище мельницы.

– Для того, чтобы ответить на ваш вопрос, мне сперва нужно взглянуть на задержанного. – Миллер помялся еще какое-то время, ожидая решения судей, но, поскольку никто не препятствовал ему, палач поклонился и вышел из комнаты начальника тюрьмы, прикрыв за собой дверь.

Спускаясь в подвал, где должны были приготовить к пытке Ганза Гортера, Миллер вдруг увидел, что его сын, которого он оставил дома, преспокойно сидит на одной из ступенек лестницы, чертя мелом что-то на полу. Нимало не удивившись сыну, Петер кивнул ему и, когда мальчик поднялся и пошел за отцом, не стал ему в этом препятствовать – какой ребенок не хочет похвастаться перед сверстниками, что первым видел пойманного разбойника.

Прекрасно зная расположение тюрьмы, Петер понимал, что Ганза Гортера могли поместить либо в камеру предварительного заключения, либо в подвал, где проходили непосредственно пытки. Но поскольку все происходило в столь спешном порядке, десять против одного, что и преступника уже приготовили для него в камере пыток.

Его расчеты оказались верны, и вскоре Петер Миллер узрел Ганза Гортера. Им оказался изумительно красивый мужчина в снежно-белой сорочке с кружевными оборками на рукавах, коротких сатиновых панталонах серого цвета и черных башмаках из дубленой козлиной кожи. Должно быть, во время задержания на кладбище он потерял свой камзол и шляпу. Но, если не считать этих мелких деталей, во всем остальном его вид был безупречным.

Стоящие возле Гортера стражники одновременно поклонились палачу, не говоря ни слова и не мешая Миллеру разглядывать свою жертву.

Ганз Гортер был прекрасно сложен – с широкими плечами, тонкой талией и крепкими ногами. Его густым каштановым волосам, которые Петер поначалу принял за парик, могла бы позавидовать любая девушка.

Тем не менее прекрасно разбирающийся в людях Миллер тут же распознал в лице и фигуре Гортера черты безнадежной испорченности и скверных наклонностей. Он понял, что этот красивый, богато одаренный от природы человек знает цену своей внешности и умеет пользоваться ею, точно разменной монетой. В считанные секунды он словно перенесся в мир этого такого красивого и такого опасного человека, увидев богатых женщин, отдающих молодому авантюристу деньги и драгоценности мужей, а затем вынужденных побижаться по папертям или кончать жизнь самоубийством. Увидел, как оскорбленный красавчиком Гортером муж убивает изменившую ему жену и после кидается в воду сам, оставив маленьких детей сиротами. Он увидел зло, творимое спокойно сидящим перед ним теперь человеком, и, ужаснувшись им, вынес свой приговор.

Несколько минут палач и арестованный, не мигая, смотрели друг на друга: Миллер – с омерзением, Ганз Гортер – с нарастающим ужасом и одновременно с напускным пренебрежением. Наконец контакт глаз разорвался. Тяжело дыша, палач отвернулся от преступника и опустил на корточки перед своим сыном.

– Послушай, Клаус, – шепнул он на ухо сыну. – Беги прямо сейчас к судье фон Канну, он в комнате начальника тюрьмы. Так вот, вызови его на секунду и скажи, что тебя послал я – палач Петер Миллер. И я согласен со всем, что они мне предлагали. Скажи, что я сказал «да» и не отступлюсь уже никогда! И еще скажи, что я нуждаюсь в его помощи! Запоминай. Сегодня в полночь состоится венчание, после которого от здания тюрьмы отойдет карета с новобрачными. Думаю, это будет совсем простая карета, так что важно не пропустить. Скажи, что я просил, нет, умолял не трогать женщину.

Пусть они выступают под видом обыкновенных грабителей. Пусть делают все что угодно с женихом. Но невеста, невеста не должна пострадать! Ты понял? – он тряхнул сына,

которого слова отца ввели в некий столбняк. После чего Клаус кивнул головой и выскочил из пыточной камеры.

Услышав колокол, Петер сообразил, что уже около десяти часов вечера, и, подозревая к себе одного из стражников, велел ему идти в кабинет начальника тюрьмы и сказать там, что палач Миллер просил передать, мол, пусть священник и невеста ждут в часовне ровно в полночь.

После чего переоделся у себя в рабочую одежду и, не дожидаясь вечно опаздывающего Михеля, подошел к закованному в цепи преступнику.

– Доброй ночи, герр Гортер, – безразличным тоном поздоровался он.

– Спустите с меня шкуру? – с черной иронией поинтересовался похититель, не сводя безумного взгляда с палача. – Что бы вы ни делали, прошу не забывать, что я дворянин и офицер... – он попытался глотнуть слюны, но во рту пересохло. – У меня есть связи, вы даже не понимаете, что сделает с вами госпожа Камилла Барра, если вы нанесете какой-либо урон моей внешности и...

– И она будет, конечно же, счастлива поздравить вас со вступлением в законный брак, – закончил за него фразу Миллер, вынимая из сундучка и раскладывая на столике захваченные с собой иглы и крючки.

– С чего вы вообще взяли, будто я собираюсь жениться, тем более после того унижения, которому подверг меня мой тесть, господин барон, на кладбище! Разве так относятся к будущему родственнику?! В наказание я удваиваю, нет, утраиваю свои требования против сказанного! Я...

Миллер стоял в шаге от трясущегося от страха Гортера, решая, с чего начать. Что до него, то он с нескрываемым удовольствием переломал бы насильнику все кости, но в таком виде тот мог серьезно напугать свою и так пострадавшую невесту, нанеся ей новую, может быть, не менее глубокую по сравнению с первой рану. Так что если палач и мог отвести душу, избив до потери сознания Ганза Гортера, то только таким образом, чтобы на теле последнего не оставалось ни единого синяка и руки самого Петера Миллера оставались не повреждены.

– Вы слышали, я дворянин и офицер...

– Вы говорили. – Миллер выбрал тонкий рыбий нож и приблизился с ним к Гортеру.

– Мне кажется, сначала вы обязаны увещевать меня, – затрясся преступник.

– Увещевание так увещевание – так вы женитесь на баронессе Марии Шварцкопф?

– Нет! – Ганз Гортер в ужасе смотрел на то, с каким вселенским спокойствием и неизбежностью готовился к пытке Миллер. – Но нельзя же так сразу! По крайней мере, вы обязаны показать мне орудия пытки, черт возьми, так поступают все уважающие себя палачи...

– Хотите осмотр, можно и осмотр. – Миллер приблизился вплотную к Гортеру, схватив его за волосы и повернув голову так, что лицо теперь смотрело в прокопченный потолок. – Только сначала я хотел бы попробовать нечто, что лично вам, несомненно, понравится. – Он прицелился и проткнул ножом кожу под левым глазом преступника, оставляя кончик лезвия в ране. – Хотите осмотр, можно и осмотр, но вам же не обязательно смотреть двумя глазами.

Глава 13. Орден Справедливости и Милосердия

В главе «De maleficiis, I eorum» говорится: «Те же, которые подобное совершают, чтобы труды человека не пострадали от урагана или от града, заслуживают не наказания, а вознаграждения». Антоний в своей «Сумме», где приводятся канонические и гражданские законы, придерживается того же мнения.

Генрих Инститорис, Якоб Шпренгер «Молот ведьм»

Через час со льдом на глазу и в новых панталонах, так как его собственные пострадали в результате несостоявшейся пытки, господин Ганз Гортер был готов жениться не только на баронессе Марии Шварцкопф, но и вообще на ком угодно. Кроме того, палач Миллер убедил отца невесты вызвать в тюрьму нотариуса, в присутствии которого жених составил завещание, согласно которому после его смерти единственной наследницей всего его имущества делается его законная супруга.

Нотариусу, ввиду спешного вызова в ночное время суток, было положено тройное, против обычного, вознаграждение. Не остался в убытках и прибывший к указанному времени в тюремную часовенку священник. И нечего говорить о том, что в тот день господин Миллер получил кошелек, вес которого соответствовал оплате его трудов приблизительно за полгода.

Все шло более-менее удачно, если не считать появления невесты, которая уже давно дожидалась венчания то в карете, то в одной из холодных и страшных камер тюрьмы, где ее бил озноб и терзал неодолимый страх. Несмотря на то, что супруга господина Миллера и жена начальника тюрьмы были рядом с ней, ведя милые разговоры и угощая несчастную чаем, Мари страдала от стыда и гадливости к себе. Отчего считала, что после того, что она совершила, тюрьма – самое подходящее для нее место. Час венчания был, наверное, самым страшным для униженной и запуганной девушки. Юная баронесса проклинала тот час, когда, поддавшись соблазну, позволила коварному Гортеру увезти ее из родного дома. И теперь, понимая, что он женится на ней отнюдь не по любви, а в результате пытки, представляла, как он теперь отыграется за это унижение и боль на ней. Во время тягостного ожидания она несколько раз теряла сознание, так что госпожа жена начальника тюрьмы все венчание была вынуждена стоять за спиной Мари с пузырьком соли наготове.

После венчания новобрачный обнял свою, готовую умереть на месте от позора, унижения и страха, жену так сильно, что у несчастной затрещали кости. Находящийся тут же в качестве гарантии того, что Гортер не передумает и не откажется от своих слов, Миллер хотел было уже броситься на негодея, но сдержался, предчувствуя скорую развязку и с ужасом приглядываясь к баронессе.

В какой-то момент ему показалось, что рассудок новобрачной не в состоянии вынести новых испытаний, которые еще только должны были свалиться ей на голову, но отменить нападение было уже поздно. Кроме того, он прекрасно знал, что орден Справедливости и Милосердия, или, как его называли посвященные, Орден по борьбе с инквизицией, никогда не отменял своих решений и не отступал от намеченного.

* * *

На следующий день по городу разнесся тревожный слух о том, что ночью Ганз Гортер и баронесса Мария Шварцкопф сочетались законным браком в присутствии отца не-

сты и самых уважаемых людей города, после чего новобрачные сели в карету, направляясь в загородное поместье невесты, чтобы провести там медовый месяц. Но по дороге с ними случилось чудовищное несчастье, шайка головорезов напала на карету молодой четы Гортер. Ганз защищался как лев, спасая себя и свою молодую жену, но был жестоко убит.

Разбойники забрали все деньги и сняли с мертвого Гортера и его перепуганной юной супруги все драгоценности, после чего неожиданно на помощь пострадавшим пришли патрулирующие улицу гвардейцы, которые мужественно отбили у бандитов несчастную женщину, но ее мужу уже ничто не могло помочь.

К сожалению, несмотря на героические действия военных, убивших троих и ранивших пятерых нападавших, им самим пришлось уходить, спасая жизнь только что овдовевшей госпоже Гортер. Из-за этого безусловно уважительного обстоятельства им не удалось не только арестовать кого-либо из нападавших, но и собрать трупы. Так что разбойники забрали раненых и убитых с собой.

На следующий день после означенных событий палач Петер Миллер был во Дворце правосудия, откуда он вышел с маленьким серебряным крестом, Спаситель на котором был не распят, а спокойно парил в небе с широко разведенными, точно для объятий, руками. В этом неприметном с виду крестике только посвященные могли углядеть знак принадлежности к ордену Справедливости и Милосердия.

Глава 14. Секрет юного бакалавра

Руководители церкви и причащающие народ всегда должны проявлять особую бдительность, когда женичины принимают причастие со слишком широко открытым ртом, вытянутым языком и поднятым платьем; чем большее внимание будет уделяться этому, тем больше ведьм таким образом будет разоблачено.

Генрих Инститорис, Якоб Шпренгер «Молот ведьм»

В тот день, когда офицер спешно вызвал Петера Миллера допрашивать в тюрьму треклятого Ганза Гортера, Клаус вдруг неожиданно для себя вспомнил, что отец послал его пригласить в дом мокнувшего под дождем Густава Офелера, и, накинув на плечи куртку и натянув шляпу до самых ушей, вышел искать молодого человека.

На этот раз ни у крыльца, ни под окнами никого не оказалось; должно быть, молодой Офелер отправился к себе домой, что было в такую погоду самым разумным.

Погуляв немного под дождем в поисках исчезнувшего гостя и для очистки совести заглянув во все подворотни, где только несчастный юноша мог укрыться от дождя, Клаус решил уже возвращаться домой, как вдруг дорогу ему преградил сам Густав, который появился точно из-под земли и теперь скромно улыбался Клаусу, чуть-чуть приподнимая намокшую шляпу за поля, но из предосторожности накатить себе за шиворот воды не снимая ее.

– Здравствуй, Клаус! Ведь тебя зовут Клаус? – неуверенно начал Офелер, протягивая мальчику свою тонкую в кожаной перчатке руку.

Клаус ответил на рукопожатие. Какое-то время они стояли друг напротив друга, не зная, с чего начать, с полей шляпы Густава стекала струйка воды.

– ...Я видел, за твоим отцом прислали военного... а я как раз хотел поговорить с ним... – Густав старался не смотреть в глаза Клаусу, и тот догадался о причине замешательства юного бакалавра медицины. Должно быть, тот решил, что Петер Миллер был арестован. Но разве же так арестовывают? Нет, определенно, Офелер ничего не видел вокруг, кроме своих учебников.

– Моего отца вызвали допрашивать преступника, – назидательно пояснил Клаус, – понятно?

– Слава Всевышнему! А я-то уже... – Офелер смутился. – Извини меня, Клаус. Скажи, когда твой отец вернется домой, мне срочно нужно с ним переговорить.

Понимая, что мать вот-вот вернется домой и застанет его за прогулкой под дождем, Клаус вежливо пригласил Густава Офелера в дом. На самом деле он, Клаус, рассчитывал за чашкой горячего чая с пряниками выведать у мягкотелого медика его секрет, как это учил его делать отец.

Непогода и явное желание Густава излить кому-нибудь душу помогли умненькому мальчику расположить Офелера к себе самым изумительным образом, так что вскоре он стал обладателем тайны бакалавра.

Оказалось, что Густав был страстно влюблен в дочь Филиппа Баура Эльзу и, заручившись согласием девушки, просил ее руки у отца. Густав происходил из приличной и достаточно обеспеченной семьи священника, кроме того, в свои двадцать лет он уже умудрился закончить дрезденский медицинский колледж, получив степень бакалавра медицины. Так что, на первый взгляд, все складывалось весьма удачно, и у Филиппа не было повода отказать претенденту на руку его дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.